БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

СПИЧКА И СВЕЧКА

М. ЛУГАНСКИЙ.

ИЗДАНИЕ Г. Ф. МИРИМАНОВА. МОСКВА.
1924 Г.

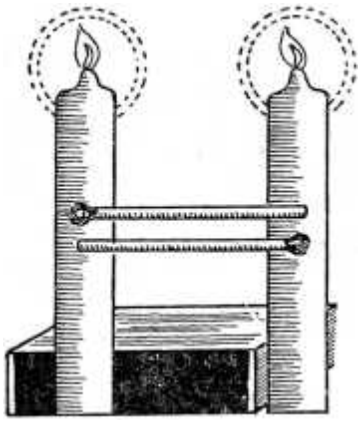
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Из научных сказок Бюргеля.

- Михаил Луганский
  - ○

Михаил Луганский
СПИЧКА И СВЕЧКА



Библиотека школьника

М. Луганский

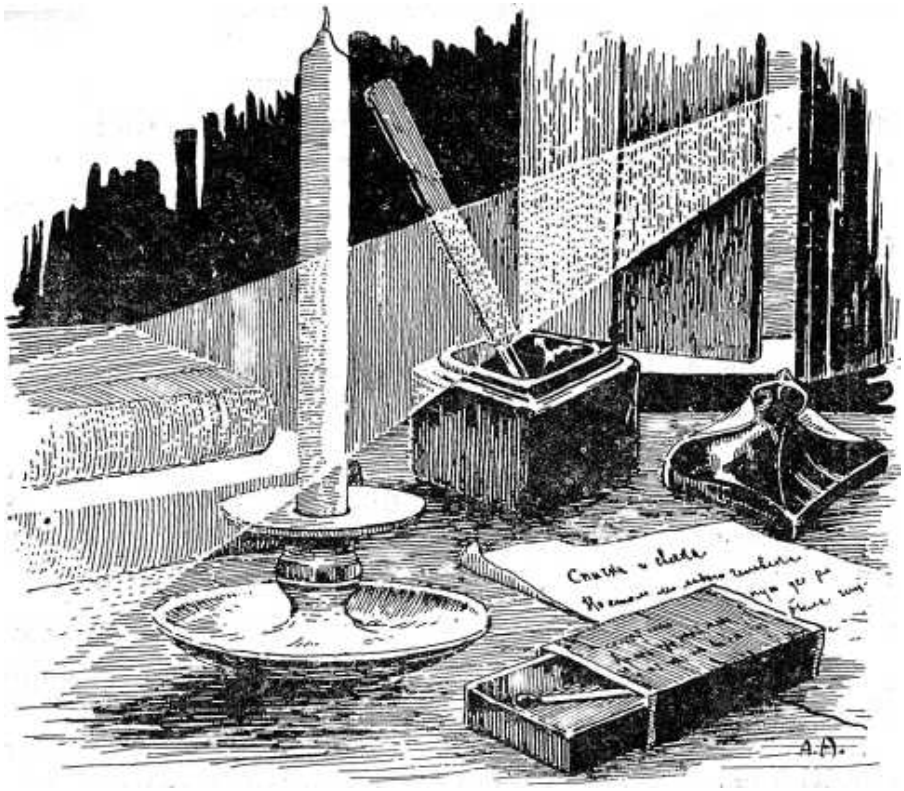
Спичка и свечка

Из научных сказок Бюргеля

Рисунки А.Ф. Андронова

Издание Г.Ф. Мириманова

1 9 Москва 2 4



На столе молодого человека стояла Свечка, и тут же рядом лежала Спичка. Свечка была чистенькая, белоснежная — она еще никогда не светила, ее только в это утро купили в мелочной лавочке. Спичка была с красной головкой. Она была ужасно вспыльчива, как вся ее родня, и всегда готова была поссориться и подраться — т. е. потереться о что-нибудь.

Свечка стояла, выпрямившись, как палка. На верхнем конце своем она носила косичку, а внизу была украшена кружевной розеткой. Единственная ее нога была втиснута в фаянсовый башмак — подсвечник; и совсем близко к ней, в коробочке, лежала в полном одиночестве Спичка — это был последний член некогда многочисленного семейства.

Сквозь оконный ставень протиснулся солнечный луч и озарил обоих соседей. Спичка проснулась, присмотрелась к Свечке и промолвила:

— Позвольте представиться — меня зовут Спичка. Я родом из Швеции. Матушка моя была урожденная Ель, она состояла в браке сперва с гражданином Серой, а затем с Фосфором. Прошу извинения за то, что разговариваю с вами лежа. С деревянной ногой, вы сами понимаете… Я последняя в нашем роду! Мы все живем недолго…

Свечка промолчала — она раздумывала, стоит ли вообще разговаривать с «этой красноголовой карлицей». Наконец, она проговорила жирным голосом:

— Меня зовут Свечка. Должна, однако, предупредить вас, что я не могу быть с вами на товарищескую ногу, потому что вы приставлены здесь ко мне в качестве слуги! Отец мой был Свечное Сало, а маменька происходит из известной фамилии Хлопок. Один мой родственник во время забастовки рабочих электрической станции освещал зал Гамбургской ратуши, а двоюродная сестра горела на самом верху канделябра возле звезды, рядом с моим старшим братом. Звезда была из чистой фольги и так пламенно влюбилась в моего брата, что он растаял — от природы он был мягок, как воск…

— Очень, очень интересно! — заметила Спичка. — Но я вам все-таки не слуга.

— Но позвольте, почтеннейшая, ведь вы сюда положены ради меня и нынче вечером зажжете меня! Как вы думаете, какую роль я играю в этом доме? Я приношу свет! Я заменяю солнце, я его наместница на земле! Без меня наш молодой хозяин не мог бы записывать на бумагу своих корреспонденций и чудесных стихов; последнее он делает по ночам и так тяжко вздыхает при этом, бедняга: он безнадежно томится по одной комсомолке.

Он записывал чудесные стихи.

— Необычайно занимательно! — повторила Спичка. — Но если бы меня не было здесь, вы не могли бы светить — ведь я должна раньше зажечь вас моим огнем. Не чваньтесь же! Хоть я и мала ростом, и у меня деревянная нога, но и я кой-чего стою: голова-то у меня не пустая!

— Не будем ссориться, любезнейшая! Мне нельзя горячиться, это вредит моей фигуре, а передо мной еще долгая жизнь. Вы, с вашей деревянной ногой, конечно, скоро превратитесь в золу; но я питаюсь жиром и переживу вас и всю вашу братию!

Старый стол на кривых захватанных ножках, стоявший в доме больше сотни лет, вдруг так громко затрещал, что собеседники испугались, а червь-древоточец, живший в старой мебели, перестал точить ее. Возможно, что старик что-нибудь пробормотал, но разобрать его было трудно.

— Вы ужасно задираете нос, как все богачи, которые с жиру бесятся! — ответила Спичка. — Хоть вы живете и несколько дольше меня, вам все же не миновать смерти, — и еще вопрос, будете ли вы так же мужественно вести себя в последнюю минуту, как я! Я в этот момент храбро расстреливаю свой порох, как старый солдат, с шумом и шипением, и умираю с сознанием честно исполненного долга. Ведь вся жизнь сводится к тому, чтобы исполнить свой долг! Шестьдесят шведов было нас в одной коробке; все исполнили свой долг: дали огонь и умерли. Только два оказались саботажниками; они сломались, и хозяин, обозлившись, бросил их в воду со словами: — Вот дрянцо!

— Ну, ладно, — сказала Свечка. — Смотрите-ж, не подведите меня нынче вечером и поддайте, как следует, огоньку — для того вы тут и положены. Моя коса — фитиль — отлично заплетена и насалена. Теперь она белая, но чем я больше старюсь и чем больше свечу, тем темнее она делается. А у людей как раз наоборот! Смолоду у них черная коса, а к старости белеет. Жаль, что вы не увидите меня во всем моем лучезарном блеске. Это зрелище так трогает меня самое, что я плачу крупными слезами, и они стекают по моему платью. Да, жизнь тяжелая штука!..

Спичка молчала. Очень уж чванной и себялюбивой показалась ей Свечка. Лежа в своей коробочке, она предавалась мечтам и воспоминаниям.

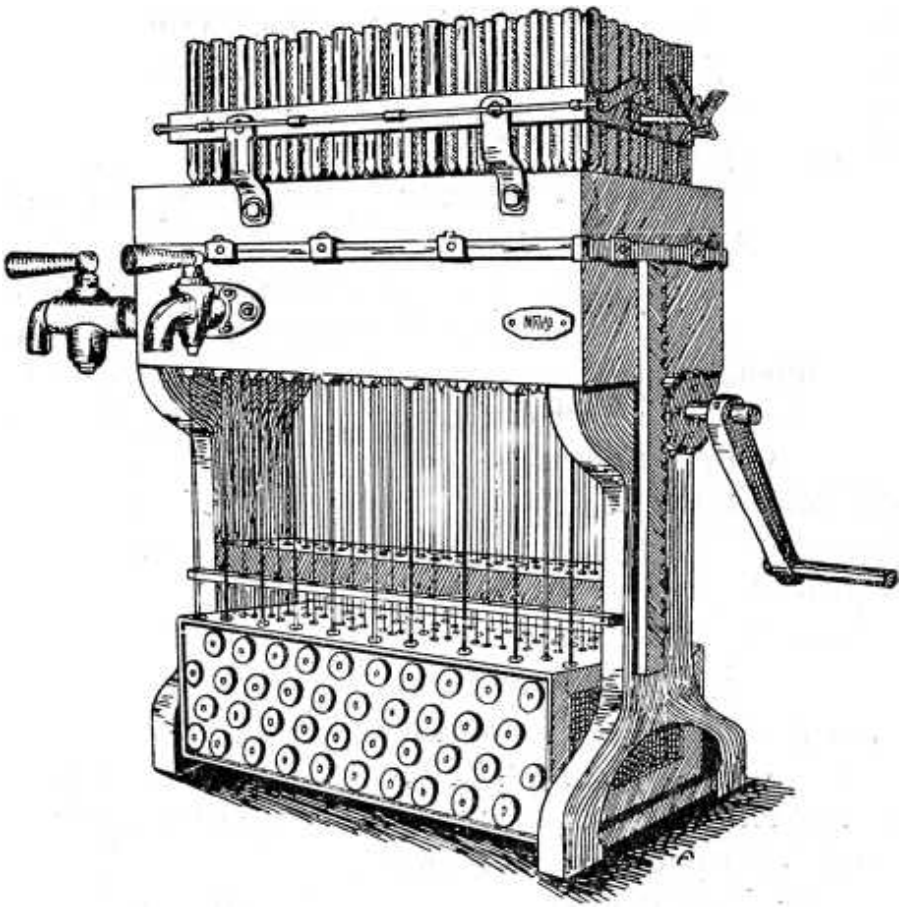
Зашло солнце, наступил вечер, кругом было темно. Часы пробили девять, и в комнату вошел молодой человек.

— Сейчас! — подумала Свечка и так разволновалась, что умерла бы от разрыва сердца, если бы у нее таковое имелось. — Солнце пошло спать, луна все эти дни гостит в Америке — и

только мой свет освещает тьму!..

Молодой человек схватил коробочку со Спичкой. — Только одна! — воскликнул он. — Ну, будем надеяться, что она сделает свое дело!

Спичка выпрямилась, как бравый солдат, и мужественно отдала свою жизнь во имя долга.



Машина для отливки свеч.

— Прощайте! — крикнула она, потершись своей головкой о коробочку, щелкнула, зашипела и дала огонь, — ведь в этом и заключалось ее призвание. Она быстро обуглилась и распалась золою, но Свечка ничего этого не видела, потому что уже наступил и ее черед. Молодой человек зажег спичкой ее белую косичку, и это был самый торжественный миг в ее жизни: она загорелась ярким светом и в чванстве своем думала, что не уступает солнцу.

А Спичка умерла, пережив в последний момент всю свою жизнь. Она вспомнила, как росла деревом в зеленом лесу, как его

срубили, повезли на фабрику, сушили, положили под лесопильную машину, распилили на доски, а затем на тонкие палочки; как эти палочки разрезали на кусочки одинаковой длины и затем стали обмакивать в горючий состав, и как она вышла из машины готовой спичкой, вместе со многими тысячами других. Работницы укладывали спички по шестьдесят штук в коробочку, оклеивали коробочки бандеролями и пускали их гулять по свету.

Молодой человек сидел до поздней ночи, писал и вздыхал. А свечке хотелось светить ярче; косичка ее становилась длиннее, пламя шипело и трепетало. Вдруг, откуда ни возьмись, явились большие железные Щипцы для снимания со свечей нагара; они разинули свой зев и промолвили: — Не волнуйтесь только, барышня! — И с этими словами откусили порядочный кусок ее косы.

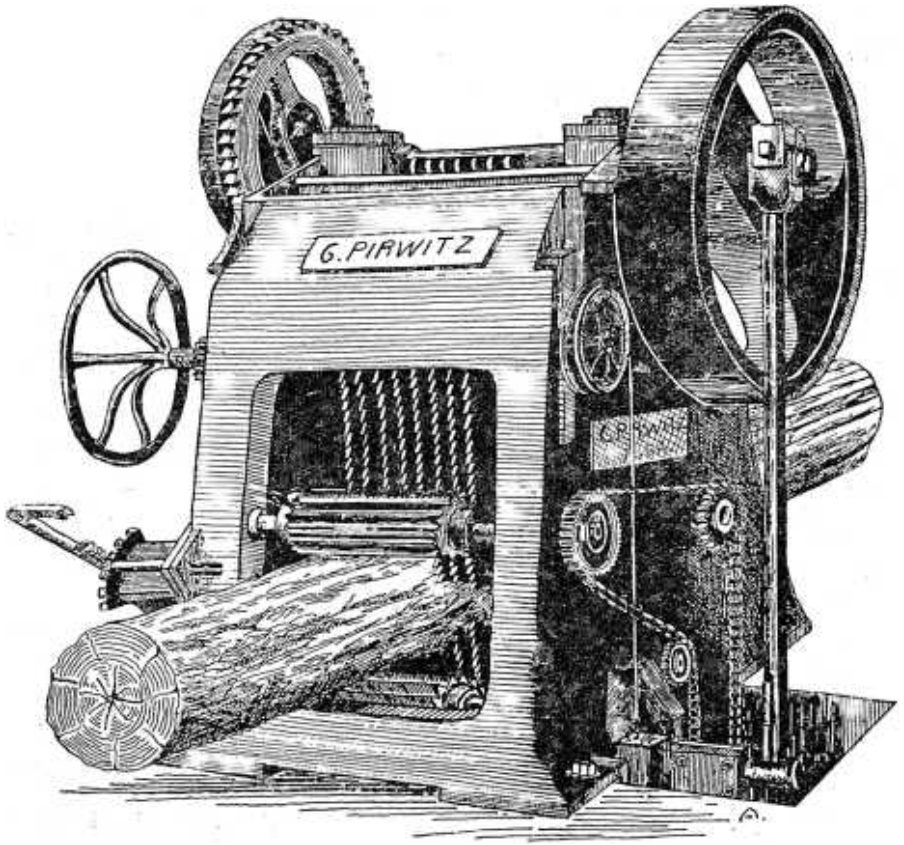
Свечку это так возмутило, что от злости она заплакала крупными слезами.

— Вы не умеете обращаться с дамами, невежа! — сказала она Щипцам. — Вот, совсем недавно, у моих ног лежал старый солдат — он бросился за меня в огонь! А из вас какой кавалер?

— Прр! Прр! Смирно! — крикнули Щипцы, разинув снова пасть. — Я таких дам много насмотрелся на своем веку. Сперва вас отливали из бараньего сала, а теперь льют из стеарина — вот вы какая дама! Я исполняю свой долг — и кончено! Терпеть не могу баб с длинными косами! Не люблю длинного пламени на свечке, да и хозяин этого не любит! Дамам курить не полагается, почтеннейшая! А вы не только курите — вы даже чадите! Бросьте плакать, иначе вы получите чахотку и умрете!

— Мой родственник светил во время…

— Знаю! Все знаю! Вы уже это рассказывали, гражданка! Лучше поберегите вашу кружевную юбку — вы ее закапали салом. Чем больше вы будете плакать, тем скорей догорите.



Лесопильная машина.

— Я еще долго буду жить, — возразила Свечка. — Жизнь так интересна, узнаешь столько нового!..

— Ничего нового — все одно и то же. Молодые девицы нивесть что о себе воображают и думают, что они вечно будут молоды и пленительны. Смотришь — все понемногу делаются маленькими, некрасивыми, длинные крокодиловы слезы ползут по их белому платью, коса размочаливается, они приучаются курить — еще немного, и кажется, начнут еще и табак нюхать! Не люблю бабья! Я сам двадцать пять лет состоял в браке с одной Цепочкой, которой был предан всей душою. Мы оба были, кроме того, искренно привязаны к одному медному подсвечнику. И что ж бы вы думали? В один прекрасный день она уехала с ним, оставив меня в одиночестве! Нет, ну их к богу, баб!

— Если вы обращались с Цепочкой так же грубо, как со мной, так я не удивляюсь, что она сбежала от вас… — проговорила Свечка.

Фррр!.. послышалось вдруг. Толстый Жук, привлеченный светом, влетел в окно и лежал теперь у ног Свечки. На ногах у

него были большие щеточки, он причесал ими свои усы и почистил фалды своего фрака — надкрылья; и приняв достойную осанку, он подполз к подсвечнику, отвесил несколько поклонов и замер в ожидании.

— Вот первый поклонник! — насмешливо заметили Щипцы. — Держите его, не то он улетит!

— Фи! — капризно протянула Свечка. — Он для меня слишком толст — да и мелок. Подожду другого! Мне не к спеху, жизнь еще только начинается!

Жучок полез вверх по свечке, но когда он добрался до ее пламени, оно так сердито затрещало, что он с перепугу свалился на стол и лежал на спине, беспомощно барахтаясь. Щипцы протянули ему руку и помогли встать на ноги.

— Видите, уважаемый, что выходит, когда пускаешься в авантюры? Ищите себе другой пламень, этот чересчур тянется ввысь, и для него лучше всего будет, если мы пообстрижем ему косу!

Жук совсем переконфузился. — Фррр, Фррр!.. — проговорил он и полетел к занавескам.

Тут явился новый поклонник — длинный, тощий Комар. Он закружился вокруг свечки, разливаясь в уверениях любви.

Работницы, обандероливающие спички.

— Фи, какой урод! — гримасничала Свечка. — Да ни за что на свете! Мне нужно другого. Что за тощее создание!

Ослепленный огнем Комар попал в чернильницу, запачкал свои крылья и пополз по бумаге, таща за собою длинный чернильный след. Поэт разозлился и выбросил бумагу за окно.

— Вот и останетесь в старых девах! — насмехались Щипцы. — Один для вас слишком толст, другой слишком тонок. Знатного иностранца, что ли, ждете?

И действительно, явился иностранец — прелестный пестрый Мотылек в голубом шелковом плаще, с черным бархатным воротником. Он выплясывал вокруг да около свечки и нашептывал ей так тихо, что ни слова нельзя было расслышать. К тому же, он говорил на иностранном языке, которого никто из находившихся в комнате не знал. Пестрый иностранец отвесил

лучезарной свечке поклонов без числа — может быть, он и впрямь принимал ее за солнце.

Свечка была польщена неимоверно и так и сияла удовольствием.

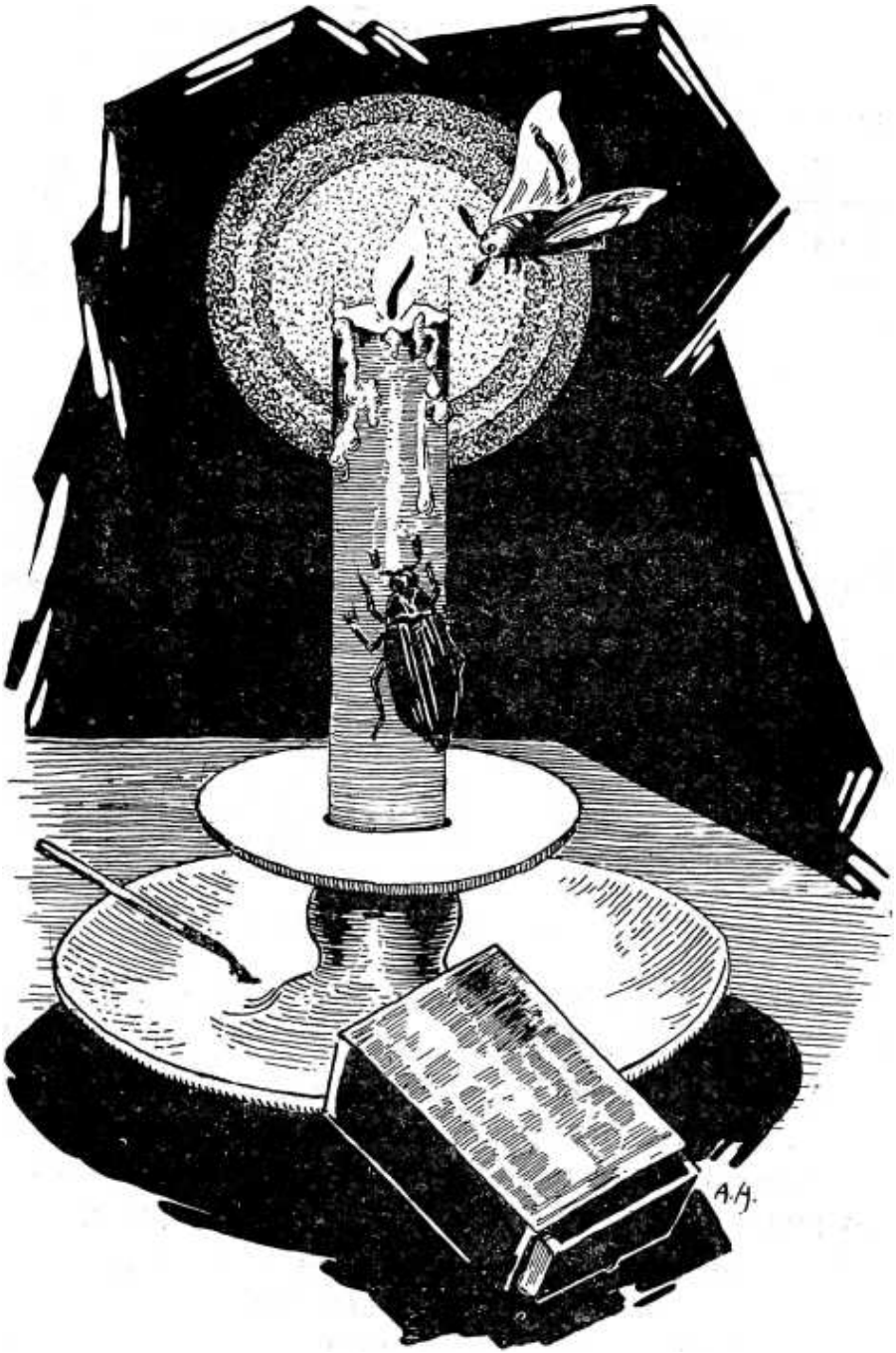
— Молодой человек, — буркнули Щипцы, — послушайте старого служаку, который знает жизнь: убирайтесь-ка отсюда, покудова целы! Я немало видел вашего брата — все они сложили тут голову. Они опаляли в пламени свои крылья и вынуждены были отправляться домой пешком — или с ними случалось то же, что с одним бражником, который повис, зацепившись, на свечке и погиб жалкой смертью!

Мотылек не послушался и продолжал носиться вокруг Свечки, которая расточала ему самые лучезарные свои улыбки.

Вдруг Свечка вздрогнула. Мотылек хотел ее поцеловать, налетел на огонь, опалил себе крылышки и упал на стол, к подножию свечки.

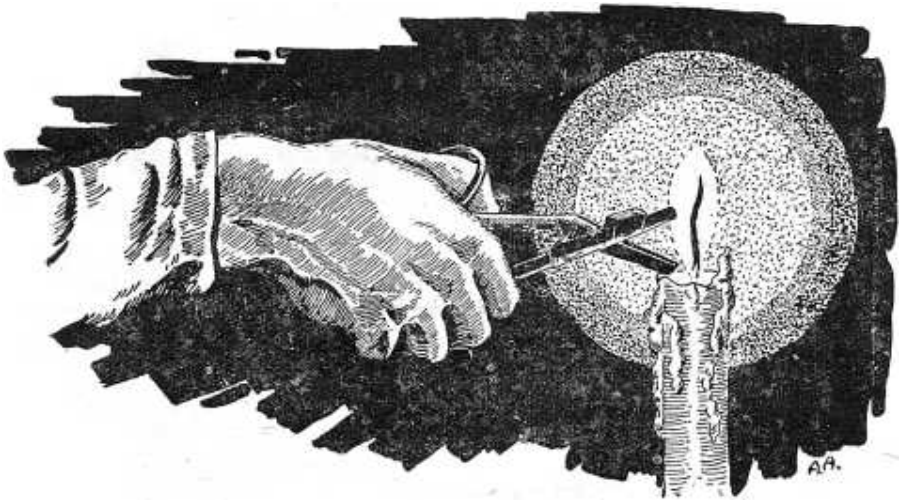
— Что я вам говорил, молодой человек? — торжествовали Щипцы.

— Очень жаль! — промолвило Пламя. — Но, авось еще кто-нибудь явится!



Жучок полез вверх по свечке.

— Бессердечное создание! Да вы опять курите? — С этими словами Щипцы для снимания нагара проворно подскочили вверх, разинули рот и откусили кусок горящего фитиля. Это они могли проделывать безнаказанно — ведь они были железные.



Щипцы откусили кусок горящего фитиля.

Старые часы пробили десять, потом одиннадцать и, наконец, двенадцать. Свечка становилась все меньше да ниже, а тени в комнате все длиннее. Окружающее все больше погружалось во мрак, понемногу воцарилась тоскливая тишь. Заснул древоточец в доске стола, Мотылек уныло полез за стопку книг. Даже Щипцы задремали.

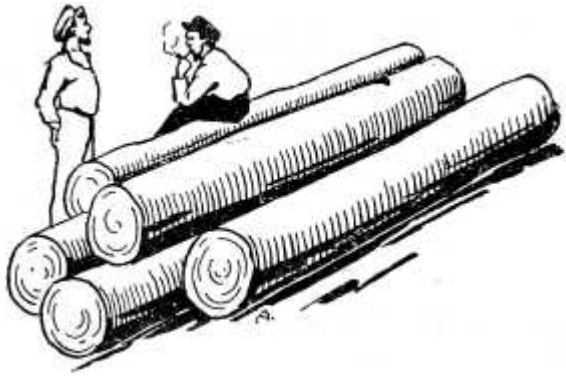
Молодой человек пошел спать, но перед тем, как выйти, взял еле тлевший огарок свечи, выдернул его из подсвечника, потому что он грозил зажечь кружевную розетку, погасил и бросил в угол, к печке.

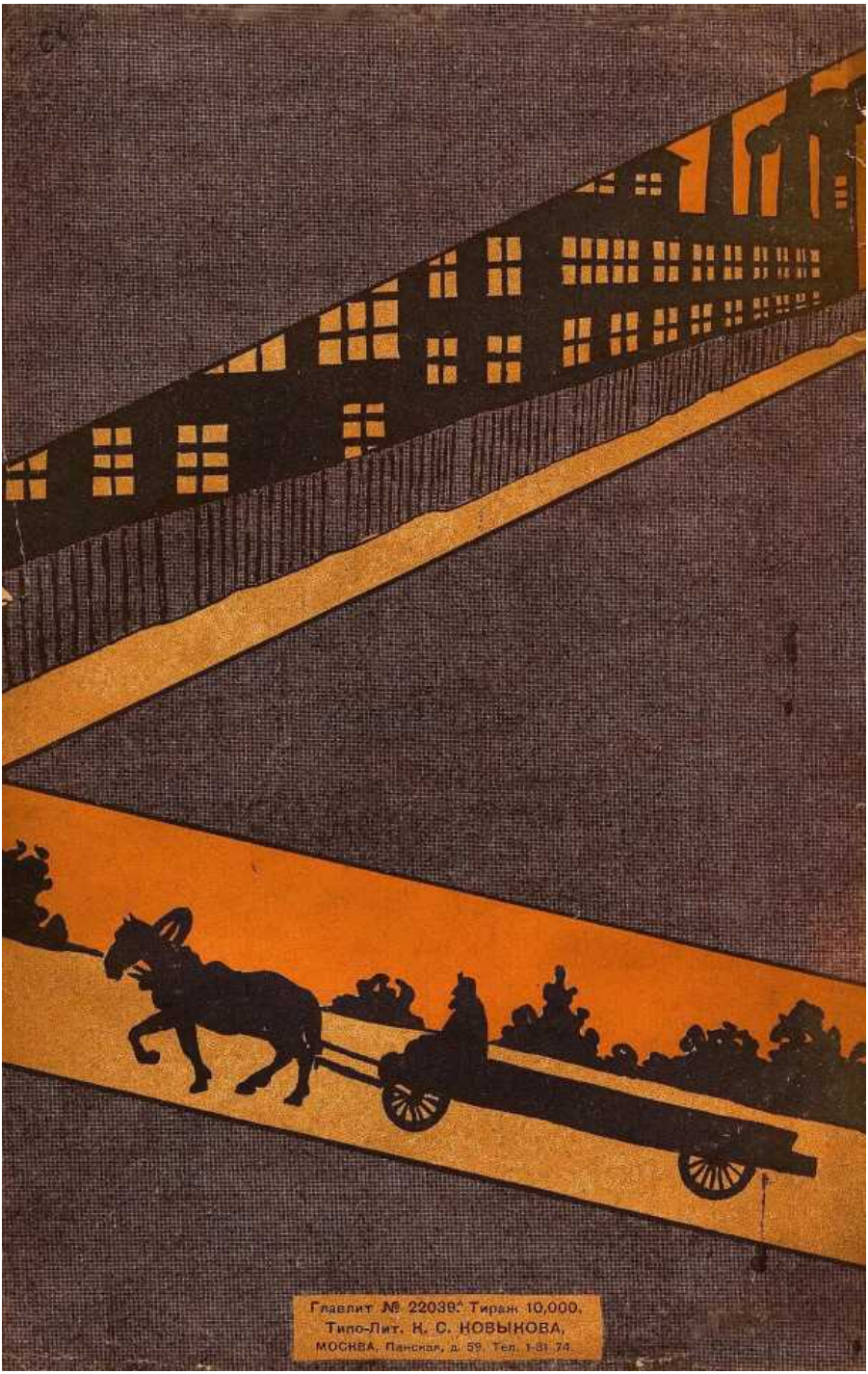
Воспользовавшись наступившей темнотой, из всех углов повылезали мыши. Они подошли к Свечке, закрутили свои усы, обнюхали Свечку и начали пожирать жирный стеарин. Только фитилек они оставили в покое.

Щипцы проснулись, разинули пасть и зевнули.

— Эге, уже темно! — проговорили они. — Свечка-то, как видно, приказала долго жить! Как коротка жизнь! Скоро и я отправлюсь на тот свет; я уже чувствую каждым суставчиком, что мне за сто лет. Это, наверное, подагра!

Стол затрещал, и щипцы умолкли. Они знали, что старый ворчун не любит праздных разговоров.





Главлит № 22038. Тираж 10,000.
Типо-Лит. К. С. НОВЫКОВА,
МОСКВА, Пансная, д. 59. Тел. 1-81-74.